

БАРЕНЦЕВО МОРЕ

Зачастую мы состоим из кучи незаметных и обыденных мелочей, нежели из чего-то большого и важного.

Как там в песне: «...а море смеялось...»?!! Хрен оно смеялось. Здесь, в северных широтах, да ещё в это время года оно, как правило, хмурое, как и небо, набрякшее свинцом низких облаков, плюющееся леденистыми каплями. И ветер, сырой и промозглый, треплющий колючим скрабом мёрсои и снежинок, единственное, что не укрыто под штормовым плащом — лицо.

Терентьев шурился на ветер, закрывая наветренную щеку отворотом капюшона, глядя с открытого мостика, как при очередной смене курса крейсер подставляет то одну скулу под удары волн, то другую. Впрочем, при таком волнении, на 16 узлах, двадцатишеститысячитонный корабль стальным монолитом взрезал беспокойное Баренцево море, словно не замечая взлохмаченных волн, отбрасывая пенные усы уже ближе к полубаку — следствие большого развала носовых обводов. Иной раз особо рьяная волна вздымала тучи брызг, но высокая носовая конечность и в худшую погоду не допускала забрызгивания палубы.

Взгляд невольно скользнул на рядки крышек-люков, закрывающих главный ударный комплекс — двадцать крылатых ракет «Гранит».

«Всё-таки смеётся, — сделал вывод капитан 1-го ранга Терентьев, командир атомного крейсера “Пётр Великий”, — только недобро как-то, пакостно».

После его вступления в должность командира корабля крейсер в основном торчал у причальной стенки, лишь пару раз выходя на выполнение учебных задач по стрельбам

и маневрированию. Однако эволюции корабля были ограничены по длительности. Экипаж на «Петре» был недоукомплектован, и ко всему ещё многие матросы и даже офицеры были новичками. Причина была в систершипе «Петра» — крейсере «Адмирал Нахимов», модернизация и ремонтные работы на котором подходили к завершению. На спешно доведённый до ума «Нахимов» просто не успевали набрать и обучить экипаж. Фактически полный апгрэйд по радиоэлектронной аппаратуре и новым системам вооружений требовал новых людей, с которыми тесно работали заводские специалисты. Однако большинство корабельных специализаций сохранялись в неизменном виде. Вот с этих БЧ¹ «Петра» личный состав и прибрали на новообкатываемый крейсер.

Командование божи́лось, что как только они натаскают там своих новобранцев — людей вернут. Терентьев же не особо в это верил и гонял своих в хвост и гриву. Сначала у причальной стенки по теории и с неработающими механизмами, доводя действия матросиков до автоматизма (типа имитации действий: там повернуть рычажок, тут щёлкнуть тумблером и так далее). А уж потом и в короткие эволюции крейсера в море. Радовало хоть то, что доходяг-срочников было не более трёх десятков — основной экипаж состоял из офицеров и контрактников.

На командование он был не в обиде, понимая — если бы не обстоятельства с ускоренным вводом в эксплуатацию «Нахимова», то ему вообще не видеть этой должности. Проблема для него была в другом.

С некоторых пор Терентьев заметил, что любовь к морю изменила свой идеалистический окрас. Месяцы рутинной службы на берегу сыто расслабляют: когда приходишь на корабль от уютя и домашних котлет как на какой-нибудь завод-фабрику, только что выслушивая бравые рапорты у трапа и на мостике.

«Даже брюшко появляется», — с лёгким презрением думалось ему.

Но эта идиллия с берегом длится недолго, и незаметно подкрадывается нудящее ощущение скуки и некий зов моря. И уже вступив на палубу, протопав по переходам, поднимаясь на мостик, вдруг замечаешь, как в тебя проникает через подошву

---

¹ БЧ — боевая часть.

ботинок затаённая вибрация не замолкающих механизмов. И ты невольно достраиваешь в мозгу многоэтажную конструкцию корабля, понимая его величие и силу: начиная от чутких «ушей» локаторных антенн, через посты различных БЧ и покоящихся в контейнерах боевых ракет, выжидающих своего часа, до необузданной, но прирученной энергии ядерной установки.

Последующий выход в море переполняет эйфорией ожидания новизны, сопровождается неким чувством привычной значимости. Однако эта жажда странствий оказывается быстро насыщаемой. Почти мальчишеский восторг куда-то улетучивался, заполняясь учебными или, естественно, условными боевыми буднями. Тянет назад, домой...

— Стар ты стал, — говаривал он порой, ловя себя на очередном хмуром ворчании. И тут же отшучивался: — Не дождётесь!!!

Как водится, оправдывая себя той или иной причиной этого самого недовольства, находя основной довод — «ответственность». Может, в этом и были основания у командования КСФ¹ назначить именно его командиром «Петра» — спокойного, рассудительного и не особо рвущегося в боевые походы, пока крейсер вынужденно простаивает?

«Нет! Не смеётся, — Терентьев уже не столько всматривался в теряющийся в сером мареве горизонт, сколько к своим ощущениям, — оно сразу как-то зловеще ухмылялось. Изначально».

В этот раз из штаба дали добро пробежаться подальше, даже отработать взаимодействие с новеньким СКР «Туман»² учебную задачу по противолодочному поиску. Да и сам Терентьев небезосновательно считал — теорию надо подкреплять усердной практикой.

В роли «противника» намечалась новейшая дизель-электрическая лодка проекта 677 под шифром «Лада», вышедшая с пункта базирования на последоковые мероприятия.

Подводники в играх участвовать не собирались. У подплава свои заморочки: дифферентовка, погружение на рабочую глубину,

---

¹ КСФ — Краснознамённый Северный флот.

² СКР «Туман» — сторожевой корабль проекта 11540 предназначен для поиска, обнаружения и слежения за подводными лодками противника, обеспечения противокорабельной и противолодочной обороны боевых кораблей.

проверка герметичности прочного корпуса. Но поработать по ним издали разрешили.

Тут главное было не мешать подводникам, не заходить за «забор» (линию разграничения на карте).

В общем, ничего сложного не намечалось — обычная отработка противолодочного поиска в заданном квадрате.

— От буя до буя! — по-своему интерпретировал капитан второго ранга Скопин — старший помощник командира корабля.

Снялись с бочки, вышли в Баренцево и почти сразу на радарах поймали обещанного погранцами¹ супостата — крутится у границ территориальных вод.

Дали полный ход и вскоре установили визуальный контакт. Опознали норвежский корыто-корвет типа «Нордкап» — ровесник «Петра»².

«Амеры — те обычно отбегают подальше наших от “Гранитов”, — Терентьев в бинокль рассматривал маячивший на траверзе всего в тридцати кабельтовых норвежский корабль, — а эти — викинги, блин, как ни в чём ни бывало крутятся у самых тервод. Гадово племя!»

Не любил он их, таких правильных, цивилизованных....

«Европейцев, мать их, с их так называемыми ценностями. Зато когда страна была в беде-разрухе, эти все лезли — раздербанить, урвать кусок. Вся эта АНТАНТА. Что характерно, и норвежцы туда же — выхватить себе добычи, пока по зубам дать не могут»³.

Понятно — давно это было, но чем они лучше сейчас? Считают себя тут хозяевами моря, устраивая “рыбные войны”, с ими же выдуманскими правилами и ими же порой нарушаемыми».

---

¹ МЧПВ — морские части погранвойск.

² Норвежские корабли береговой охраны типа «Нордкап» и «Пётр Великий» — тяжёлый атомный крейсер типа «Орлан» вошли в состав своих флотов в восьмидесятых годах XX века.

³ Начиная с апреля 1920 года норвежские промысловые суда вторгались во внутренние воды РСФСР — от Мурманска до Архангельска, варварски истребляя десятки тысяч тюленей. Зачастую их сопровождали норвежские военные корабли, которые открывали артиллерийский огонь по русским пограничным катерам. Лишь с появлением в 1933 году на Баренцевом море первой группы советских боевых кораблей, вторжения норвежцев прекратились.

«Туман» пристроился в кильватер «Петру». Держась территориальных вод, двинули в заданный район. Норвежцы, естественно, увязались, следуя на траверзе.

Вышли в «свою» зону, почти к самому рубежу разграничения районов с подводниками. Гидроакустического контакта с «Ладой» установить не удалось. Не отвечала подлодка и по звукопроводной связи.

— Может, их тут вообще нет, — засомневался старпом, — отработали, довели лодку до навигационного состояния и тю-тю — в Лицу¹. Ещё этот «норвежец» тут ошивается... как-то он нетипично, сволочь, маневрирует.

Запросили СКР «Туман» — те тоже признались в бессилии, хотя у них поисковая аппаратура стояла самая современная.

— Подойдём ближе? — не терпелось старпому.

— Там «забор», — предупредил штурман, — вертолёт бы туда с буюми, но не спортивно...

— Эта пронырливая, а вернее, поднырливая братия специально решила нам устроить западло, а потом поржать на досуге, что опять поводили за нос «надводных», — насупился Скопин — сказывался лёгкий холодок взаимного неприятия подводников и надводников, сложившийся ещё в военных училищах.

Доложили оперативному дежурному в штаб. Там, видимо, тоже «болели» за своих. Быстро выяснили в Заозёрске (в штабе подводных сил) — лодка на позиции и предложили... «Немного зайти в зону подводников. Осторожно».

— Не, ну не мудаки? — наливался возмущением старпом. — «Осторожно» это как? Чтобы их акустики нас прозевали? Лодка на тесте, взбрёт им в голову неожиданно всплыть... и угораздит аккурат нам под киль.

— Значит так, — принял решение командир, — идём за «забор», ход полный — так нас точно услышат. Милю. Затем циркуляция — выходим. СКРу оставаться в зоне маневрирования — вести акустический поиск.

А бедовый подплав действительно решил поиздеваться над коллегами-надводниками — и тоже подошли к границе. Подкрались совершенно незаметно.

---

¹ Западная Лица — название пункта базирования подводных лодок Северного флота России.

Тихие они очень — «Лады».

И когда ТАРК взбаламутил воду винтами, тут же вышли по «звуконеподводной», передав условным: «вы торпедированы». И ничего лучше не придумали, как всплыли под перископ.

Чего они не учли, так это циркуляции тяжелого крейсера. Тяжёлого во всех отношениях, имеющего нехилую инерцию.

— Перископ прямо по курсу, пять кабельтовых! — заорал сигнальщик.

— Стоп машина, — немедленно среагировал командир, взглянув на лаг и возрадовавшись, что корабль не успел набрать полные тридцать два узла.

Следом команда — и рукоятки машинного телеграфа дважды отыграли на «самый полный назад», затем на «стоп» и снова на «полный назад». То есть отработали максимально возможный задний ход. Распоряжение ушло трансляцией по всем линиям связи и отдельно в ПЭЖ¹ (так положено).

Вот на этом тягучем моменте пришлось поволноваться. Перископ приближался, отрабатывать рулями было не совсем разумно из-за заноса кормы. Решение было принято правильное — только «полный назад». Машины надрывали винтами воду в реверсе...

И наконец, крейсер, замедлившись, попятился... попятился, да так бодро, что даже кильватерный след от носа появился. Кто-то в рубке вздохнул с облегчением.

А как всегда не сдержанный на язык Скопин вроде бы не к месту, но по эмоциональному окрасу вполне подходяще ляпнул:

— Лежу я на ней... спрашиваю: «Тебе не тяжело?» А она в ответ томно: «Это приятная тяжесть!»

И понимай, как знаешь. А никто и не переспрашивал — заняты!

Отработали «стоп машины» и «малый вперёд», довершив циркуляцию.

Атомный исполин, выписав замысловатые элементы движения, под любопытными взглядами скандинавов лёг на курс вдоль условной границы разграничения.

---

¹ ПЭЖ — пост энергетики и живучести.

А подводники по радиосвязи, как ни в чём не бывало, выразили своё неудовольствие, что крейсер влез в их район, убрали все свои штыри и мягко растворились под водой. Точнее, попытались — с «Тумана» доложили, что акустический контакт с лодкой не утерян, и «скинули» на БИЦ¹ крейсера пеленг и расчётный курс субмарины. Началось то, зачем пришли — прогон акустических систем и молодых специалистов в противолодочном поиске.

Размотали за кормой буксируемую гидроакустическую антенну, и пошла работа.

Но учебная отработка на «своих» плавно (а точнее неожиданно) перешла в кошки-мышки с «чужими».

Сначала с БИЦа на мостик «стукнули», что по линии особого отдела пришла срочная «секретка». Следом заявился сам особист — доложил-положил дешифровку и по-быстрому ретировался, потому как имел вид бледный и болезненный.

Терентьев не успел ещё с ней ознакомиться, как пришла новая вводная из штаба — подтверждали сведения, полученные от разведчиков.

Суть была в нахождении в их секторе британской подводной лодки.

Осведомленность командования включала даже тип и название: ПЛ — атомная торпедная. «Артфул». Совсем свежей постройки.

Нашупали «британца» там, где и ожидали — под килем «Нордкапа». И сразу стали понятны странности эволюций этой посудины с надписью «KYSTVAKT»².

«Интересно, если бы не наводка из штаба флота, наши слухачи смогли бы её обнаружить?» — мрачнел мысленно Терентьев.

«Норвежец» своими винтами весьма эффективно забивал все шумы атомохода, и ходили они как привязанные, словно тренировались уже где-то такой слаженности.

Как бы то ни было, с «Тумана» доложились об установлении гидроконтакта весьма скоро.

---

¹ БИЦ — боевой информационный центр.

² «KYSTVAKT» — «береговая охрана» (*норв.*).

Задачи по отработке взаимодействия никто не отменял, но решили отказаться от использования вертолётов в гидроакустическом поиске, чтоб не пугать потенциального противника — пусть думают, что мы не знаем про лодку.

Так и крутили до темноты, то расходясь с «натовцами», то сокращая дистанцию, то теряя гидроакустический контакт с «британцем», то снова восстанавливая.

Ночью то же самое, только не таясь, «поглядывали» друг на друга, облучая радарами.

А утром «Нордкап» убежал в сторону своих берегов, буквально бросив подлодку. Это было любопытно наблюдать — как потерявший свою тактическую накидку-невидимку «британец» сначала притаился, скользя под водой на скорости не более двух узлов, словно в растерянности, а потом надо было быть дураком, чтобы не понять, что он обнаружен. Тогда уже не скрываясь, субмарина, развив двадцать узлов, направилась на северо-запад.

«Туман» увязался следом, забрасывая навесик из гидроакустических буёв с вертолёта, чем удавалось сравнительно легко сопровождать субмарину. «Артфул» дал максимальные 29 узлов, уходя по струнке, тем самым выказывая намерение оставить этот район. Ко всему из штаба пришла «квитанция»: «...в целях ненагнетания обстановки и во избежание провокаций...» и новые вводные. Сторожевик, лениво выписав пенную дугу, лёг на обратный курс.

Вскоре командир «Тумана» передал на крейсер, что перехватил радиообмен по пеленгу подлодки.

«Наверняка на перископ всплыли, пытаются у своих прояснить обстановку через спутник связи», — пришёл к простому выводу Терентьев, отдавая распоряжение «отбой учебно-боевой».

СКР «Туман» отработал положенную программу с новейшей аппаратурой для обнаружения неатомных (особо бесшумных) подводных лодок. И как тактично выразился командир сторожевика, теперь требуется «заводское тестирование».

«Туман» ушёл на базу.

«Петру Великому» следовало выйти в другую расчётную точку.

Баренцево море. Несколько часов спустя

С мостика Терентьев наблюдал, как две маленькие точки-мухи над морем медленно обретают очертания, превращаясь в винтокрылые машины.

Больше глазу не за что было зацепиться — разбегающаяся во все стороны ширь моря превращалась в однородную серую массу, сливающуюся с по-прежнему таким же свинцовым небом.

Более-менее крупные айсберги ожидались ближе к Шпицбергену, однако сейчас не было видно ни одной приличной льдины.

«Но, судя по крепчающему северо-восточному ветру, ледники в нашу сторону погонит с Земли Франца-Иосифа».

Ухудшение погоды не удивляло, воспринималось как неизбежное зло северных условий мореплавания.

«Скоро стемнеет. Если разыграется шторм, не помогут и успокоители качки. Не хватало, чтобы кто-нибудь из парней гробанулся или ударил машину о палубу».

Он вдруг почувствовал навалившуюся усталость и ноющую головную боль. Сказывались напряжение последних суток и дёрганные вводные из штаба флота.

Наполнив стакан воды, он проглотил пару обезболивающих таблеток, украдкой заметив понимающий, почти сочувствующий взгляд вахтенного, что было неприятно, словно его уличили в слабости.

«Чёрт побери! — выругался он мысленно. — Завалишь вот так голову всякими заумностями, и мозги начинают распухать, не вмещаясь в голове. Так и хочется сделать дыру в черепе и выпустить всех этих мух вместе болью».

— Экипажу приготовиться к приёму вертолётов. Авиагруппе вернуться на крейсер, — приказал Терентьев вахтенному офицеру, — в связи с ухудшением погодной обстановки. В журнале сделать соответствующую запись.

Поочерёдно в течение получаса два «камова» без проблем оседлали пятак на корме крейсера. Хотя вторую машину опускали в ангар уже с матами — к тому моменту корабль вошёл в зону низких кучево-дождевых облаков, и, несмотря на устойчивую палубу, порывы ветра потрепали ангарную команду.